

терпретация и формируются новые смыслы. Все это позволяет находить определенный ориентир в совокупности массовых решений, смыслов, заложенных в динамично развивающемся мире.

В целом философское творчество есть процесс выработки исходных, наиболее общих принципов и универсальных форм понимания мира как целого, выступающих мировоззренческими ориентирами в творческой деятельности человека. Оно нацелено на самореализацию и самосозидание мыслящего субъекта, на приведение в соответствие его духовного мира и объективных основ бытия, что в итоге универсализирует знание и придает ему целостный и всеобъемлющий характер.

1. Иванов О.Е. Самосознание как основа метафизики. Опыт введения в философию. СПб.: Церковь и культура, 2002.

2. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992.

3. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ф. Ницше. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. Г. А. Рачинского; сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М., 1990. Т. 1. С.47–157.

В. В. Муравьев

Бытие и смерть в религиозной и светской эсхатологии

УДК 2(078)

Эсхатология – учение о конечных целях существования индивида и человечества. В истории культуры сложилось несколько ее типов. В религии и философии в качестве антропологических суператтракторов рассматривались: спасение в загробной жизни; слияние с мировой субстанцией; духовное просветление; построение общества, основанного на священных или научных принципах;

индивидуальное бессмертие; моменты счастья, освещающие жизненный цикл.

Ключевые слова: эсхатология, смерть, воскресение, вечность.

Muravyev V. V. Life and death in the religious and secular eschatology

Eschatology defines final goals of human existence. There were several types of it in history of culture. Religions and philosophies defined such anthropological super attractors as eternal salvation, reunion with the substance of The Universe, spiritual enlightenment, creation of society based on sacred or scientific principles, personal immortality, high lights, individual life happy moments.

Keywords: eschatology, death, resurrection, eternity.

Постижение конечных целей индивидуальной жизни и природы смерти, предсказания будущего человечества – вопросы религиозной и светской эсхатологии. Их решение наделяет существование смыслом, дает возможность определить место человека в чуждом, нередко враждебном мире, в который он заброшен появлением на свет.

Во всех известных культурах имел место вариант понимания смерти индивида как окончательного прекращения психической деятельности, полного исчезновения Я. В основе аргументации критиков иллюзии бессмертия была идея конечности всего существующего. В эсхатологии также сложились учения о временном или вечном продолжении жизни Я, психеи после гибели тела. Воззрения о вечном бессмертии души существовали в двух видах: концепции реинкарнации, в которых допускалась возможность ее возврата к земной жизни, и концепции безвозвратного потустороннего существования душ. В поле второй концепции были предложены следующие модели: а) души умерших продолжают заниматься тем, что делалось их носителем при жизни; б) в потустороннем мире качество существования снижается; в) загробная жизнь лучше предшествовавшей смерти; г) учение о воздаянии. Различные концепции смерти сосуществовали в одних и тех же культурах.

В древних Месопотамии и Китае не сложились систематизированные, связные учения о загробной жизни. Египетская культура породила объемную, сложную и противоречивую совокупность картин потустороннего существования. В ранней иудейской религиозной идеологии преобладающее значение имело понимание естественной смерти как завершения физического и психического бытия индивида. В Индии при возникновении новых концепций смерти прежние включались в них в подчиненном, снятом виде, образуя непротиворечивую идеологическую конструкцию. Зороастризм и христианство, вслед за ними ислам, генерировали последовательные концепции пакибытия, основанные на принципе воздаяния.

Великий Заратуштра положил в основание теодицеи принципы, позволившие объяснить, почему единственный, всемогущий и благой бог допускает существование страданий в созданном им мире. Ахура Мазда пожелал наделить людей свободой выбора добра или зла. Выбор предполагает ответственность, воздаяние в потусторонней жизни: «Обе стороны, о Мазда, – и последователи истины, и лживые, – предстанут перед сияющим божественным Огнем Твоим, и огненное испытание это раскроет судьбу каждой из сторон, являя награду Твою! Полное крушение будет участью лживых, последователи же истины пожнут добрые плоды благословения Твоего!» [4, 51: 9]. Идеи воскресения и воздаяния в существенно не различающихся интерпретациях стали основой христианской и мусульманской эсхатологии.

В «Евангелии от Иоанна» читаем: «Не дивитесь сему: ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия. И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» [1, Ин. 5: 28–29]. В Священном Коране сказано: «Когда наступит День воскресения, и люди увидят его ужасы, никто из них не сможет говорить без разрешения Аллаха. В этот День люди разделятся на две части: неверные, которые будут несчастными из-за мучительного наказания, и верующие, которые будут счастливыми благодаря благополучию в будущей жизни» [9, 11: 105].

Отличия в толковании идеи оживления умерших существовали в понимании способов воскресения и его сроков. Также обсуждался вопрос о том, будет ли наказания заблудших вечным.

Как воскреснут умершие: телесно или духовно? В зороастризме считалось, что последователи истины, артовцы увидят собственную душу в загробном мире в образе юной девушки. Апостол Павел полагал, что индивид возродится к новой жизни только психически, духовно: «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Сеется тело физическое – воскресает тело духовное. Но скажу вам братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления» [1, 1-е Кор. 15: 35, 44, 50]. Евангелист Матфей писал о всестороннем воскресении, духовном и плотском. В частности, воскрешенные будут обладать зубами, которых не может быть у души: «И ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» [1, Мф. 13 : 50]. О телесном возрождении мертвых говорилось во многих аятах Корана: «Эта кипящая вода будет проходить в их утробы, растапливая то, что внутри, так же как растапливается их кожа» [9, 22: 20]. Обитатели рая и ада нуждаются в пище, в раю существует брак: «Сверх этого воздаяния, Мы сочетаем их браком в раю с черноглазыми, большеокими, от чрезмерной красоты которых глаза придут в изумление» [9, 44 : 54].

В размышлениях о сроках воскресения в христианстве и исламе наметились две тенденции. В рамках первой утверждается, что оно происходит сразу после того, как завершается земная жизнь. В притче о богаче и нищем оба воскресли до наступления конца света: «Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово; умер и богач, и похоронили его; И в аде будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря» [1, Лк. 16: 22–23]. В «Откровении» после второго пришествия оживают мученики: «души обезглавленных за свидетельство Иисуса... ожили и царствовали со Христом тысячу лет» [1, Откр. 20: 4]. Для всех остальных новая жизнь и суд наступают через тысячелетие: «Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет... Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» [1, Откр 20: 5, 12].

В древнеегипетской религии и зороастризме считалось, что те, кто не получил оправдания на суде богов, умирают снова и окончательно. В завершающей книге Библии также повествуется о второй смерти грешных. Ада как вечного наказания нет: «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это – смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» [1, Откр. 20: 14–15]. В суре «Худ» сообщается о вечном наказании несправимых грешников: «Они будут пребывать там вечно, пока существуют небеса и земля. Они выйдут оттуда только тогда, когда Аллах пожелает вывести их, чтобы подвергнуть их другому наказанию» [9, 11: 107].

В буддизме махаяны, католическом учении о чистилище, исламе признавалась возможность временного пребывания воскресших в местах потусторонних мучений. Священный Коран повествовал: «Непокорных же из верующих Аллах не допустит сразу войти в рай, а пожелает, чтобы они остались в огне на определённый им срок, расплачиваясь за свои грехи. После этого они войдут в рай» [9, 11: 108].

Не все дочери и сыны человеческие рождались для смерти. Даосская алхимия указывала последователям пути обретения личного бессмертия. Некоторые иудейские пророки были взяты на небо живыми. Христианский апостол писал: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» [1, 1-е Кор. 15: 51].

Тема смерти занимала одно из ведущих мест в духовной культуре Индии. Однако ей, как событию индивидуального бытия, индийцы не придавали такого драматического значения, как древние египтяне. «Не следует желать смерти, не следует желать жизни», – учил Ману [7, 6: 45]. Посмертные обряды и культ предков были в Индии намного более скромными, чем у египтян, а картины загробной жизни – менее определенными.

Считалось, что смерть не всегда была тенью, неизбежно сопровождавшей людей. В начале мира не было ни смерти, ни бессмертия [16, X, 129, 2]. Первые люди Критаюги имели возможность во все не умирать и наполняли землю. Смерть была учреждена потому, что людей стало слишком много. Как в Месопотамии, она возникает как способ разрешения проблемы перенаселения. Смерть

первоначально отказывалась от порученного ей Брахмой уничтожения людей, не желая быть источником страданий тех, кто теряет близких. Работа Смерти для нее (или для него, когда смерть выступает как мужское божество – спутник Ямы) – это неприятная обязанность. Смерть не испытывает злорадного удовольствия, когда приходит за человеком. Поэтому в древнеиндийской культуре не наблюдается негативного отношения к ней. Образ скелета с косой в черном балахоне как олицетворение смерти не выглядит подходящим для Индии. Следовало отнести к приходу смерти, как оправданному старостью, болезнью, полученным в сражении ранением, несовершенством жизни или тем, что на земле есть другие люди, нуждающиеся в ее ограниченных ресурсах.

Представления индийцев об участии умерших изменялись с течением времени существования их цивилизации. В Ведах сказано о том, что они с помощью Агни попадают в обитель первого умершего – Ямы, находившуюся в высших слоях неба, если при жизни должным образом выражали почтение богам:

*Кто подает сладкое блюдо,
готовит мягкое ложе в жилище своем,
Жертвует живое жертвенное животное,
Тот попадает в высшую часть неба.*

[15, I, 31, 15]

Каких-либо определенных указаний на потусторонние наказания, существование мест мучений для мертвых в Ведах нет.

В Брахманах посмертная участь человека тоже определялась его отношением к соблюдению религиозных традиций. В X мандале Ригведы содержалось предположение о посмертном суде, оценке богами содержания прожитой покойным жизни и воздаянии, говорилось о взвешивании хороших и плохих поступков умершего:

*На какой тайной мысли сходятся
Боги, не знаем мы этого.
Митра, Адити, бог Савитар пусть
Провозгласят нам там невиновными!*

[16, X, 12, 8]

Явные свидетельства возникновения учения об аде появляются в «Бхагавад-гите» и других разделах «Махабхараты»: «Отделив-

шись от тела, душа не погибает; зря говорят невежды, что она умирает. Душа переходит в иную телесную оболочку... Добрые деяния приводят ее к богам, смешанные – к людям, нечестивые – к животным, а греховные – в ад» [12, с. 421]. Места наказания умерших грешников помещены под землей на нижнем уровне мироздания. Там протекает река огня и крови, в которую попадает часть грешников. Другие обитатели ада мучаются от того, что погружены в раскаленный песок, висят на деревьях с шипами вместо листьев, их грызут собаки и черви, они горят в огне, лишены пищи и воды. Страдания очищают души неправедных людей. Со временем, освободившись таким образом от последствий предосудительных поступков, эти души могут быть переведены в небесные миры.

Добродетельные люди, находясь в местах блаженства, наслаждались там обилием пищи, доброжелательностью и ласками прекрасных существ противоположного пола и прослушиванием музыкальных произведений. Некоторые люди, неукоснительно следовавшие принятым обетам, попадали в небесные миры живыми [12, с. 487].

Уже в Ригведе встречались стихи, в которых содержались предположения о возможности повторного рождения умершего. Их можно рассматривать как зачатки учения о реинкарнации:

*Соединись с отцами, со(единись) с Ямой,
С жертвами и (добрыми) деяниями на высшем небе!
Оставив все греховное, снова возвращайся домой,
Соединись с телом, полный жизненной силы!*

[16, X, 14, 8]

В законченном, целостном виде доктрина переселения душ представлена в Упанишадах и «Бхагавад-Гите». В них описывается действие закона *кармы*, согласно которому мысли и поступки человека, совершенные в прошлых жизнях, определяют его положение в последующих, и также то, что испытывает душа в перерывах между рожденьями. Особое значение придавалось предсмертному духовному состоянию индивида. Его последние размышления и желания оказывали воздействие на качество жизни в последующем рожденьи. В этих произведениях также выражена идея о возможности

окончательного освобождения души от *сансары*: избавившийся от желаний больше не рождался и не умирал [2, IV, 4, 7].

Источником жизни Упанишады называют индивидуальный Атман, душу. Смерть наступает, когда Атман покидает тело человека: «И как эта повозка, оставленная вожатым, не движется и не издает звука, так и это [тело], оставленное познающим Атманом, не говорит, не ходит, даже не дышит – оно гниет, [к нему] сбегаются псы, слетаются вороны, спускаются коршуны, [его] стремятся пожрать шакалы» [8, с. 651].

Атман – пронизывающая, наполняющая мир духовная субстанция, частицы которой проникают в тело человека, поддерживая в нем жизнь и проявляясь в виде психической деятельности. Индийские мыслители избегали строгих дефиниций Атмана, используя при его описании аналогии и негативные определения: «Он, этот Атман, [определяется] так: «Не [это], не [это]». Он непостижим, ибо не постигается, неразрушим, ибо не разрушается, не прикрепляем, ибо не прикрепляется, не связан, не колеблется, не терпит зла» [2, IV, 5, 15]. Подобные негативные определения, содержавшие круги, давали и Брахману – мировой субстанции, объективной стороне единого Брахмана – Атмана, соединение с которым и растворение в нем – конечная и высшая цель индивидуальной души.

Человеческий индивид является временным собранием элементов, соединенных Атманом. С наступлением смерти это единство распадалось, и заимствованные элементы возвращались вселенной: «...речь этого умершего человека входит в огонь, дыхание в ветер, глаз – в солнце, разум – в луну, ухо – в страны света, тело – в землю, Атман – в пространство, волосы на теле – в травы, волосы на голове – в деревья, кровь и семя попадают в воду» [2, III, 2, 13]. Атман уходил из человеческого тела через глаза, голову или другие части [2, IV, 4, 2].

Душа неуничтожима, как боги, материальная природа и время: «Для души не существует ни рождения, ни смерти. Она никогда не возникала, не возникает и не возникнет. Она – нерожденная, вечная, всегда существующая, изначальная. Она не уничтожается, когда погибает тело» [3, 2: 20]. Меняются лишь формы существования души, богов, и природы. Хотя душа – частица духовного нача-

ла, она, подобно египетской Ба, имеет некоторые материальные качества. Души умерших едят, мучаются от боли в аду, способны получать любовные наслаждения. Они имеют размеры, хотя и небольшие. Размер частичек души равен одной десятитысячной части кончика волоса.

Души индивидуальны. В них сохраняется самосознание умершего, его Я, личность. При новом рождении, обретении очередного тела образы прошлой жизни исчезали из сферы сознания. Сохранялся лишь страх будущей новой смерти, обусловленный опытом пережитых прошлых смертей. У тех, кто достигал успехов в медитации, воспоминания о прошлых жизнях начинали всплывать в памяти.

Доктрина переселения душ не стала отрицанием ведических представлений о царстве умерших, где правил Яма. Соответствующие идеи Вед были включены в учение Упанишад и «Бхагавад-Гиты» в качестве подчиненного элемента. Считалось, что души умерших находились в местах наказания в течение определенного времени, соответствовавшего совершенному при жизни злу. Период их пребывания в обителях блаженства зависел от числа прожитых лет добродетельной жизни. В потустороннем мире время не останавливалось. С завершением определенных его отрезков души умерших возвращались к земной жизни, испытывая новые рождения и получая новые тела. Даже боги, включая самого Брахму, умирают и рождаются, хотя периоды их жизни и смерти намного продолжительнее, чем у людей [3, 8:17].

На основе идей реинкарнации мудрецы Упанишад и Гиты, Махавира Джина и Будда развивают учения об освобождении, путях выхода из замкнутого цикла рождений и смертей: «Мудрые, отдавая себя преданному служению господу, освобождаются от цепей кармы и круговорота рождения и смерти и достигают состояния, неподвластного страданию» [3, 2: 51]. Таким образом, в целом для умирающего определены четыре возможных варианта посмертного пути: «Одни возвращаются в материнское лоно, делающие зло попадают в преисподнюю, праведники – на небо, лишённые желаний достигают нирваны» [6, с. 130].

Метафизическим основанием учения о выходе души за рамки действия законов материального мира являлась принятая в духовной культуре Индии оценка создания этого мира. Творение Вселенной понималось индийскими мыслителями как нарушение первичного единства, абсолютной внутренней неразличимости Брахмана. Слияние индивидуальной души с Брахманом рассматривалось в качестве одного из моментов процесса восстановления нарушенной творением целостности субстанции бытия. В буддизме негативность определений Брахмана достигла предела и сам он (а если следовать индийскому языку – Оно) отождествлялся с Пустотой. Переход души в Ничто, нирвана понималась поэтому как освобождение от иллюзии существования. Для буддизма индивидуальная душа является фиктивным единством элементов потока психических состояний. Поэтому путь к освобождению предполагал осознание ошибочности мнения о ее реальном существовании. Буддисты, в отличие от авторов «Бхагавад-гиты», не рассматривали метемпсихоз как переход неизменного «Я» от одного тела к другому. Они сравнивали переселение с тем, как энергия движения передается от одного катящегося шара к другому или как огонь гаснущей свечи зажигает новую. У джайнов мокши это состояние очищения души от как бы налипшей, приставшей к ней тонкой материи кармы. Когда душа очищается от кармы, она становится богом.

В ведических религиях конечной целью бытия считалось слияние с субстанцией мира, завершение индивидуального существования, когда исчезало разделение субъекта и объекта. Мокши, нирвана аналогичны задуванию свечи. Растворение души в Брахмане подобно растворению соли в воде. При этом действие закона кармы прекращалось.

С древности по настоящее время появлялись религиозные и философские школы, провозглашавшие конечной целью человеческого существования духовное просветление. К этому направлению эсхатологии можно отнести стоицизм, гностицизм, чань-буддизм, движение трансцендентальной медитации. Последователи этих учений искали пути внутренней трансформации, ведущей к иному восприятию себя и мира, избавлению от иллюзий, состоянию, в котором душа переполняется радостью, удовлетворением и покоем. В

XX столетии в русле эсхатологии просветления возникла сайентология, последователи которой есть во многих странах, включая современную Россию.

Сайентологическое учение основано на принципе выживания. Человек стремится выжить как организм, дух, имя в его детях. Он стремится обеспечить выживание групп, к которым принадлежит и человечество в целом.

Абсолютное выживание, вечность, бессмертие – суператтрактор для Я и человечества. Движение к нему осуществляется по четырем направлениям. Первое – стремление индивида к личному выживанию. Второй путь – выживание путем размножения (брак, семья, забота о детях). Третье направление – стремление обеспечить выживание социальных групп, подсистем взаимодействий, элементом которых выступает личность. Такой группой может быть этнос, государство, трудовой коллектив, конфессия, политическая партия, соседская община. Четвертая линия активности – действия, обеспечивающие сохранение, выживание человечества как рода [17, с. 26–27]. Индивид в состоянии духовного равновесия предпринимает усилия, способствующие выживанию по каждому из четырех указанных направлений. Его моральным принципом выступает золотое правило сайентологии: «Делай другим то, что ты хотел бы, чтобы другие делали тебе»!

Динамика – энергия, стремление жить, настойчивость в выживании. Потенциальная ценность человека и группы определяется показателем интеллекта, умноженного на динамичность. Препятствия на путях выживания – сапрессоры. Сапрессор – то или тот, что приносит вред, мешает выживанию, унижает, делает неуверенным. Его воздействие на психику отражается в инграмме – бессознательном образе, реактивной психической программе. Проявления инграмм – состояния бессознательности, содержащие физическую боль и негативные эмоции. Инграммы не поддаются осмыслению.

Инграммы являются препятствиями к выживанию. Они рассеивают жизненные силы, подавляют интеллект, вводя в сознание неверную или неправильно оцениваемую информацию. Инграммы – источники психосоматических болезней и аберраций. Абберрация есть ненормальное, нерациональное поведение. Она снижает по-

тенциальную ценность субъекта и ведет к смерти. Сайентологическая практика – одитинг – психоаналитические процедуры, позволяющие обнаружить индивидуальные инграммы и нейтрализовать их. Одитинг – совершенствование интеллекта и динамики с целью повышения способности к выживанию. Их реализация и ведет к просветлению, преодолению препятствий на пути к цели абсолютного выживания, достижению успехов, получению удовольствий.

Эсхатология просветления допускала возможность достижения высших ценностей существования в земной, а не загробной жизни. Идея воскресения мертвых не была универсальной для религиозной идеологии. Существовали религии, в которых она отсутствовала. Большая часть текстов иудейского «Танаха» показывала смерть как переход в небытие, полное прекращение существования организма и личности. Душа живого существа исходит из тела с кровью [1, Левит 17: 14]. Эти описания соответствовали начальному замыслу Бога, который выслал людей из Эдемского сада, чтобы они не могли жить вечно. Иегова не обещал, что к вопросу о бессмертии когда-нибудь можно будет вернуться или что человеку дается шанс вернуться в рай в виде духовной сущности: «И сказал Господь Бог: вот Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» [1, Бытие 3: 17, 23–24]. Поэтому древнееврейские тексты отвергали культ предков. «Не обращайтесь к вызывающим мертвых», – наказывал Бог Моисею [1, Левит 19: 31]. Как известно, Саул нарушил это предписание, посетив аэндорскую волшебницу, занимавшуюся некромантией. Лишь в книгах Исаии [1, Исаия 25: 8] и Даниила упоминается победа человека над смертью. При этом Даниил писал, что воскреснут многие, но не все. Некоторые из воскресших обретут вечную сияющую жизнь. Другие восстанут из праха, чтобы понести наказание [1, Даниил 12: 2–3]. Даже во времена Иисуса Христа саддукеи отрицали возможность возврата мертвых к жизни: «Ибо саддукеи говорят, что нет ни воскресения, ни Ангела, ни духа, а фарисеи признают и то и другое» [1, Деяния 23: 8].

Если нет воскресения, то награды Бога, благополучие, счастье можно получить лишь в земной жизни личным правильным поведением и устройением общества всеобщего благоденствия. Такое общество основано на священных принципах. Ему присущи определенные атрибуты: оно натурально, «от мира сего», своего рода земной рай. Во-вторых, общество благоденствия появится в будущем. Далее, эта социальная система имеет совершенное управление. Ею руководит совершенный, мудрый правитель, следующий воле Неба, а не собственным планам: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует» [5: 17]. В идеальном обществе, в отличие от обычного, должны быть реализованы священные идеалы социальной справедливости: «Небесное дао отнимает у богатых и отдает бедным то, что у них отнято» [5: 77]. Поэтому в управлении населением нет необходимости прибегать к насилию: «Если выдвигать справедливых людей и устранять несправедливых, народ будет подчиняться. Если же выдвигать несправедливых и устранять справедливых, народ не будет подчиняться» [10, 2: 19]. Счастливые граждане общества мечты доброжелательны и полезны друг другу: «Небо непременно желает, чтобы люди взаимно любили друг друга и приносили друг другу пользу, но небу неприятно, если люди делают друг другу зло, обманывают друг друга... Это видно из того, что небо придерживается всеобщей любви и приносит всем пользу» [14, с. 180].

В светской эсхатологии допускалась возможность создания совершенного общества без участия потусторонних сил. Исследования и гуманистические идеалы К. Маркса стали основой программы создания материально-технической базы коммунизма, которая обеспечит изобилие материальных и духовных благ. От распределения по труду общество будущего перейдет к распределению по потребностям. Освоение океанов и космоса, развитие науки дадут возможности решения глобальных проблем, прогресса производства и потребления, бессмертия человеческой цивилизации.

Последователи теории «невидимой руки» сочли эти планы утопическими. Невозможно планировать будущее, только стремление каждого к личному обогащению и благоденствию естественным образом приведет к процветанию общества в целом.

Индивидуальное объективное бессмертие в светской эсхатологии рассматривалось как иллюзия. Не было эмпирических и научных оснований полагать, что индивидуальное мышление продолжает существовать после смерти тела, поскольку смерть разрушает организацию мозга.

Если признать, что кончина навсегда уничтожает личность, Я, самосознание, то надежды и тревоги, любые действия, имеющие целью угодить умершему или обеспечить себе хорошее место на том свете, нельзя принимать всерьез. Значит, надо стараться брать все от досмертного существования. Мертвые не знают о своей славе или позоре, смерть всех уравнивает: «Умирает и десятилетний, и столетний; умирают и добродетельный, и мудрый; умирают и злой, и глупый... Разложившиеся кости одинаковы, кому известно различие между ними? Поэтому следует наслаждаться, пока живы» [18, с. 216]. По сообщениям некоторых авторов, египтяне перед началом пира демонстрировали гостям маленький деревянный гроб с кукольным мертвецом в виде мумии и говорили: «Взгляни на него, а потом пей и наслаждайся, ибо после смерти ты станешь таким же, как он» [13, с. 98].

Наблюдая за работой смерти, размышляя о направлениях ее ударов, люди пытались определить, почему выбор падает на того или другого, как надо встретить ее, следует ли относиться к смерти как абсолютному злу. В добуддистском Китае считалось, что смерть окончательна, она наступает один раз. Ее действие избирательно. Люди с выдающимися достоинствами умирают раньше [14, с. 177].

Людям свойственно бояться смерти. Поэтому тот, кто обладает правом и силой лишать жизни, использует этот страх, манипулируя людьми и вынуждая их подчиняться. Способность преодолеть страх смерти делает человека свободным. Не изменить своим принципам даже перед лицом смерти – одно из качеств незаурядной личности. Случается, что умереть предпочтительнее, чем вести мучительное существование: «Целостная жизнь занимает первое место, ущербная жизнь – второе место, смерть – третье место, а жизнь под гнетом – последнее место» [11, с. 292]. Не нужно торопиться умереть, но ни к чему изворачиваться, теряя лицо, и пытаться замедлить

приближение кончины любой ценой. Если человек остается спокойным, находясь под угрозой гибели, смерть может отступить. Китайские полководцы учили, что исход боя решают солдаты, поставленные в самое опасное место сражения. Значит, в силах человека преодолеть боязнь погибнуть, бороться со смертью и победить ее.

А. Маслоу утверждал, что счастье обретается в сфере индивидуального сознания, а не в боге, потустороннем мире или священных книгах. В натуральном мире невозможно быть счастливым всегда. Но в жизни каждого есть моменты, минуты счастья, *high lights of life* – общение с детьми, состояния религиозного экстаза, восхищение природой или музыкой, любовные переживания. Они надеются существование смыслом, освещают наш жизненный путь.

В материалистической эсхатологии принято считать, что естественное течение возрастных изменений необходимо завершается переходом в ничто. Смерть рассматривается как прекращение объективно реального бытия. Наука не принимает всерьез утверждений о загробном существовании мертвого, он не является демографическим объектом. Однако ушедшие из жизни люди остаются в поле зрения религии. Они продолжают взаимодействовать с живыми, оставаясь их родственниками, единоверцами, советчиками, покровителями или недоброжелателями. Исследование показывает, что разнообразные мифы, предположения и учения о природе смерти были самыми многочисленными в истории духовной культуры. Рождены сыны и дочери человеческие для счастья или страданий, что ждет их за порогом натурального жизненного цикла, возможно ли индивидуальное и коллективное бессмертие – темы, исследованные в надежде отыскать способы избавления от зла, хаоса, бессмысленности натурального мира с помощью естественных или потусторонних сил.

1. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1990.

2. Брихадараньяка упанишада // Упанишады. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 17–172.

3. Бхагавадгита / пер. с санскрита, исслед. и примеч. В. С. Семенцова; предисл. Г. М. Бонгард-Левина. 2 изд-е, испр. и доп. М.: Восточная литература РАН, 1999.
4. Гаты: Святыя Гимны Заратуштры. Минск: Юнипак, 2004.
5. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 114–138.
6. Дхаммапада // Антология мировой философии : в 4 т. М.: Мысль, 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 129–133.
7. Законы Ману. Манавадхармашастра. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
8. Из Чхагалея упанишады // Упанишады. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 651–661.
9. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. Ростов-н/Д: Феникс, 2001.
10. Лунь юй // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 139–174.
11. Люй-ши чунь цю // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 2. С. 284–310.
12. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / пер. с санскрита, предисловие и комментарий Я. В. Васькова и С. Л. Невелевой. М.: Наука, 1987.
13. Монте П. Египет Рамзесов. М.: Наука, 1989.
14. Мо-цзы // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 175–200; 225–247.
15. Ригведа. Мандалы I–IV / пер. и комм. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989.
16. Ригведа. Мандалы IX–X / пер. и комм. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999.
17. Хаббард Л. Рон. Дианетика. М.: Нью Эра, 1999.
18. Ян Чжу // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 212–224.